

ЭЛЕОНОРА АКВИТАНСКАЯ

Евгений Старшов

Королева
с львиным сердцем

 Любовные драмы

Любовные драмы

Евгений Старшов

**Элеонора Аквитанская.
Королева с львиным сердцем**

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)4

Старшов Е. В.

Элеонора Аквитанская. Королева с львиным сердцем /
Е. В. Старшов — «ВЕЧЕ», 2023 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4484-4435-7

Королеву Элеонору, или Алиенору, Аквитанскую часто сравнивают с Еленой Прекрасной. Отчасти это справедливо, отчасти – просто умаляет таланты и заслуги этой выдающейся женщины. В ней изумительным образом сочетались трезвомыслие политика и безграничная страстность. Она была прекрасной матерью одним детям, но дурной – по различным причинам – другим. Элеонора бестрепетно отправилась в крестовый поход со своим первым мужем – королем Франции Людовиком VII, а ради своей любви, оскорбленная вторым мужем – королем Англии Генрихом II, поставила на карту целостность государства. Наконец, она воспитала самого знаменитого короля английского Средневековья – Ричарда Львиное Сердце. О судьбе этой необыкновенной женщины рассказывает очередная книга серии.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-4484-4435-7

© Старшов Е. В., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Глава 2	29
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгений Викторович Старшов

Элеонора Аквитанская

Королева с львиным сердцем

*К 900-летию рождения Элеоноры Аквитанской, королевы Франции
и Англии.*

© Старшов Е.В., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Предисловие

Королеву Элеонору Аквитанскую часто сравнивают с Еленой Прекрасной; нередко даже можно встретить эпитет, что она – Елена Троянская Средневековья. Отчасти это справедливо, отчасти – просто умалет таланты и заслуги этой выдающейся женщины. Елена – все же больше миф, роковой символ, игрушка в руках богов, средство «разрушить царство». Элеонора же сама по себе активный деятель, созидающий и разрушающий вполне реальные европейские королевства – Францию и Англию, истории которых она принадлежит в абсолютно равной степени. Во-первых, само по себе редкость: она побывала королевой и Франции, и Англии. Еще большая редкость для того времени – она сама, на радость современным феминисткам, смогла устроить свою судьбу так, как посчитала нужным, хотя и с третьей попытки, причем ее последний избранник был моложе ее на 11 лет – тоже своеобразный фурор не только для ее времени, но и на многие последующие века. В ней изумительным образом сочетались трезвомыслие политика и безграничная страстность, переросшая в лютую ненависть; она была прекрасной матерью одним детям, но дурной – по различным причинам – другим; она бестрепетно отправилась в Крестовый поход со своим французским мужем – Людовиком VII, а ради своей любви, оскорбленной мужем английским – Генрихом II, поставила на карту целостность Англии. Наконец, она воспитала самого знаменитого короля английского Средневековья – Ричарда Львиное Сердце. Он был ее третьим сыном (вторым выжившим), и именно на него она перенесла всю свою юношескую любовь к аквитанскому рыцарю, зарубленному в ее объятиях и в честь которого она и назвала сына. Без лести современники оценивали ее исключительно в превосходной степени – умнейшая, красивейшая, образованнейшая, «жена несравненная», и это совершенно не было преувеличением, потому что они же давали и темные грани ее портрета. Женщина столь активная и выдающаяся была для ментальности Средневековья элементом все же чужеродным; тогда всерьез обсуждался вопрос, имеет ли женщина душу (то есть подлинный ли она человек), и в целом она представляла собой не более чем немощный и несовершенный «сосуд зла». Удел знатной женщины той поры – рукоделие и молитвы. Потому неудивительно, что Элеонору ославили ведьмой, не уступающей женщине-змее Мелузине, которую не способны удержать никакие запоры (так отобразился в народе факт ее многолетнего заточения по разным узилищам Англии), и отравительницей. Что же, не исключено, что смерть любовницы ее английского мужа, Розамунды Клиффорд, действительно на ее совести, хотя осуществить это злодеяние королева лично не могла, будучи в заточении. Да и верно говорят – когда женщине отрубают крылья, она для совершения полетов пересаживается на метлу... Впрочем, отравить соперницу – невелик подвиг, дело, как говорится, житейское, а вот поднять сыновей на многолетнюю войну против собственного отца – куда более трудоемкое предприятие.

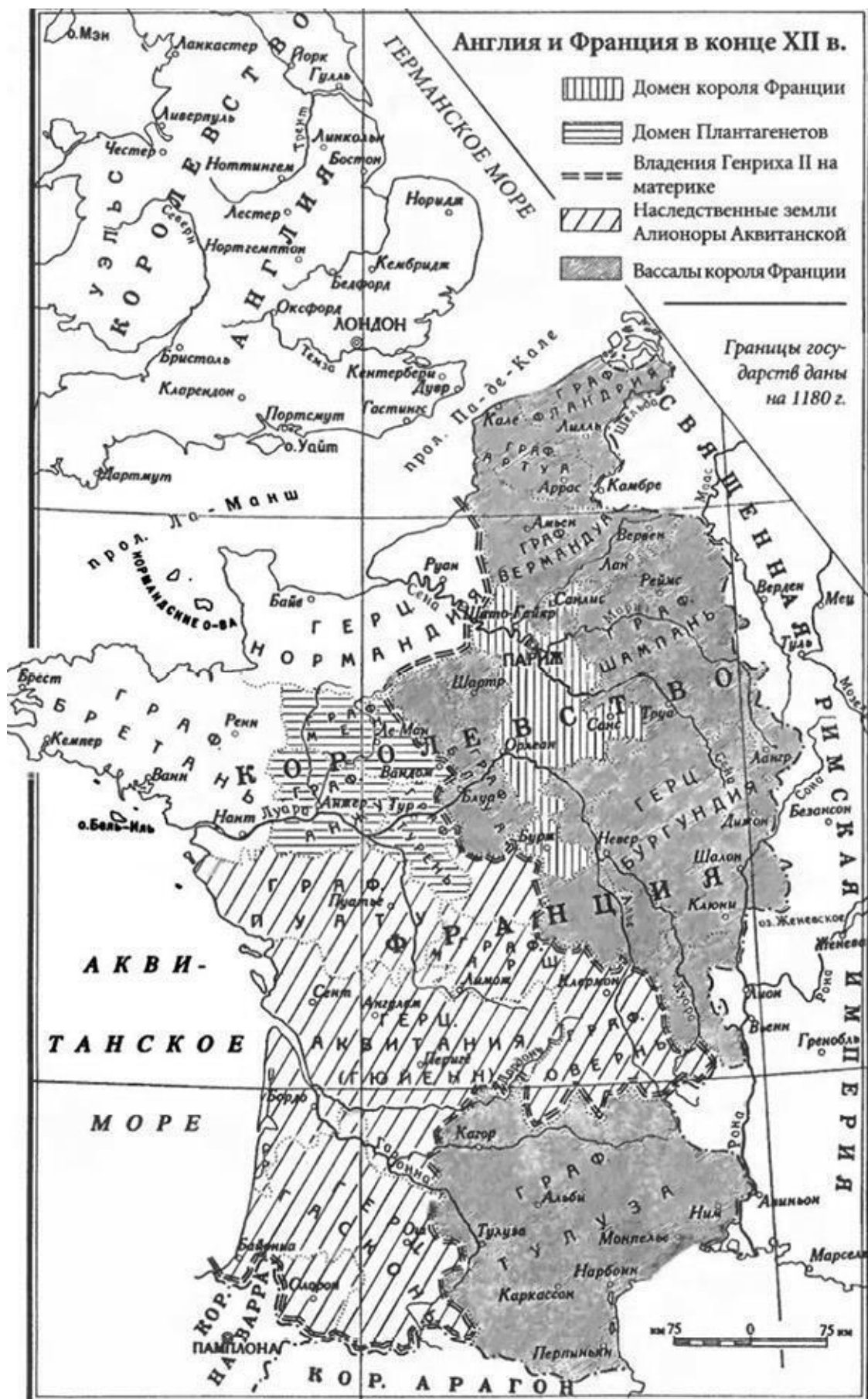
Тем не менее Элеоноре удалось преодолеть стену предубеждения и стать, как сейчас принято говорить, настоящей «иконой стиля» – того самого, обычно воспринимаемого всеми нами романтически-фривольного европейского Средневековья (резко контрастирующего с мраком и кровью «Средневековья настоящего») – с прекрасными дамами, ради которых преломляют копья на турнирах и войнах доблестные рыцари и чью красу воспевают веселые трубадуры. Таким до Элеоноры было Средневековье в ее родной Аквитании. И именно таким оно стало во всей Франции и Англии – при ней и благодаря ей. Согласитесь, и это весьма немало для того, чтобы привлечь наше внимание к этой женщине. Но она вполне была и дочерью своего сурового времени – в юности ходила в Крестовый поход, подвергаясь жалам не только турецких и арабских стрел, но также голода и болезней; в зрелости скакала на коне по Аквитании, то спасаясь от мятежных баронов, то спеша на помощь сыновьям; в старости руководила обороной замка Мирбо.

О ее сыне Ричарде писали, что он мелькнул по истории, словно яркая комета, будучи силой одновременно созидающей и разрушительной. То же можно с полным правом сказать и о его матери, разве что только ее жизненный путь был почти в два раза длиннее. Она помогла любимому молодому мужу создать огромную Анжуйскую империю, но, как считают многие, именно на разведенной ею потом опаре «взошла» знаменитая Столетняя война. В истории за ней закрепилось весьма говорящее прозвище – «Аквитанская Львица». Рычать дома на мужей горазды многие, на всесильного германского императора – уже редко кто, а уж на самого папу римского, да еще в те времена – это вообще нечто экстраординарное. Но она ведь боролась за жизнь и свободу любимого сына!..

Итак, перед читателем пройдет жизнь королевы с поистине львиным сердцем, для которой ничто не стоило пожертвовать за любовь целыми королевствами, и сравниться со страстью которой могла лишь титаническая ярость ее ненависти, обращенная на того, кого она прежде любила. Или продолжала любить?..

Важное предупреждение касается написания имен героев предлагаемой читателю драмы. Большая их часть – французы, однако имена зарубежных правящих особ в русском языке принято передавать в своеобразной «нейтральной» форме, латино-германской. Например, «наш» герцог Вильгельм (будь то герцог Нормандии Вильгельм Завоеватель или дед Элеоноры Вильгельм IX) для французов будет Гийом, а для англичан – Уильям. Можно было бы унифицировать всех на французский манер (иногда так и поступают), но как быть, если вот Генрих II, к примеру – для потомков своих английских подданных – Генри, для французских – Анри? Тогда и Ричарда Львиное Сердце (вполне французского принца, ставшего английским королем) пришлось бы звать Ришаром, куда это годится?.. И наша главная героиня звалась на родине Алиенорой (Альенорой), но будем придерживаться правил; некоторые исключения составят цитаты. И как младший сын Элеоноры, принц Джон, стал в историографии королем Иоанном, надев корону, точно так же нынешний принц Чарльз называется у нас королем Карлом III, хотя у себя на родине он имя не менял.

Разумеется, писатели и историки к образу королевы Элеоноры обращались не раз, библиография этого вопроса довольно богата. Из обилия художественной литературы, более многочисленной, но далеко не всегда качественной, можно положительно отметить малоизвестную историческую драму Уильяма Шекспира «Король Иоанн» и остропсихологическую пьесу Д. Голдмена «Лев зимой» – произведение относительно новое (по сравнению со средневековыми хрониками, конечно – 1966 г., есть прекрасная экранизация 1968 г.), но необычайно тонко показывающее весь трагизм взаимоотношений внутри венценосной семьи; не будет преувеличением сказать, что этому американскому автору действительно удалось подняться в этом отношении до мастерства своего великого английского предшественника. Исследования чисто исторические, ввиду весьма скромного наличия сведений и документов для объемной работы, обычно тяготеют к подчеркиванию тех или иных черт эпохи Элеоноры, быта, психологии, архитектуры, литературы и т. п. (как в хорошей, но беллетризированной работе Режи́н Перну, например, или в добротном (в первой своей части, исключительно «по делу», но не во второй, где мысль окончательно растеклась по древу) исследовании Жана Флори), в противном случае получается лишь скромная архивная справка, да и то не у всех (отрицательный пример легкомысленного пересказывания «верхов» вкупе с чудовищными ошибками – работа М. Дэвис). Предлагаемая вниманию читателей книга показывает королеву Элеонору на культурологическом фоне феномена трубадуров Южной Франции. Именно он дал прекрасной аквитанке то, что англичане называют емким словом *background* – ту романтику, любовь и свет, на которых вырос этот прекрасный цветок Средневековья и которые она сама несла в окружающий ее мир насилия и религиозного фанатизма. Полагаем, это самый подходящий фон для ее портрета в серии «Любовные драмы».

Англия и Франция в конце XII в.

Фрагменты поэзии трубадуров приведены по большей части в переводах А.Г. Наймана, В.А. Дынник, Т.Б. Алисовой и К.Н. Плужниковой; имена некоторых переводчиков средневековой поэзии, использованной в данной работе, к сожалению, установить не удалось. Фрагменты жизнеописаний трубадуров даются в переводах М.Б. Мейлаха, Н.Я. Рыковой и С.В. Петрова, главы трактата Андрея Капеллана – в переводе М.Л. Гаспарова. Фрагменты описания Лондона Уильяма Фиц-Стефена приведены в переводе Н.А. Богодаровой, исторической драмы Уильяма Шекспира «Король Иоанн» – Д. Мина. «Жемчужинами», которыми мы сами расшили платье для несравненной королевы, являются сделанные автором переводы фрагментов английских церковных хроник, изданных в Англии в 1853–1858 гг. С короной же можно сравнить сделанный нами перевод подлинных хартий и писем королевы, помещенный в приложении к данной работе. Поистине, порой только «живые» документы могут проявить какие-то особые личные черты, характер человека, давно ушедшего и о котором прискорбно мало что известно (особенно характерно в этом отношении второе письмо папе Целестину, настоящий крик души! Автор не особо склонен к сантиментам, но читать эти строки обезумевшей от отчаяния матери было порой просто страшно). Из числа 77 документов, многие из которых довольно однообразны, были отобраны 18 по следующим причинам и критериям: хотелось показать их в хронологическом порядке; сделать подборку тематически разных документов – одним тоном королева пишет различным духовным лицам, другим – вассалам; совершенно иным – конкретному папе римскому, от медоточивого письма папе Александру III до грозных посланий папе Целестину III. Также предпочтение было отдано хартиям и письмам, связанным с конкретными событиями жизни Элеоноры, упомянутыми в данной книге – к примеру, покушением на нее аквитанских баронов Лузиньянов, подготовкой восстания сына Ричарда против отца, пленению Львиного Сердца и т. п.

Глава 1

Истоки и корни. Жизнелюбивый дедушка – первый трубадур

Франция как государство веками шла к централизации, постепенно «прирастая» различными герцогствами и графствами. Путь в принципе типичный для многих стран. Однако весьма интересно и примечательно, что каждый регион даже в составе единой Франции очень долго сохранял свои обычаи и особенности, выделявшие его среди прочих. Эта «бывшая самостоятельность» местами проглядывается еще до сих пор – пока Франция окончательно не станет Новым Магрибом. Если углубиться в изучение этого вопроса, останется лишь удивляться, как ужились такие совершенно разные народы со своими культурами. Читателю придется столкнуться с тем, что французы юга совершенно непохожи на французов севера, потом – северо-восточные на северо-западных и, соответственно, юго-восточные на юго-западных, а затем все это еще более дробится. И чтобы облегчить ему задачу разобраться в этих самых французских типах (а без этого – никак не понять психологии наших главных героев), предложим следующее. Вместо долгого и скучного описания той или иной отрасли местного народонаселения прибегнем к аналогии, и все сразу же станет ясно.

Мало кто знает, что в XIX в. Александр Дюма в своих знаменитейших романах о мушкетерах поставил своеобразный опыт. Каждый из четверых описанных им главных героев представлял собой определенный этнотип жителя той или иной части Франции. Атос, такой благородный и относительно «правильный», представлял иль-де-Франс, «сердце Франции», земли королевского домена. Гигант Портос, не совсем далекий, но верный, живший по принципу «Дерусь просто потому, что дерусь» – представлял Нормандию, населенную потомками викингов Рольфа Ходока. До сих пор, если встретите высокого светловолосого голубоглазого француза, можно быть на 90 % уверенным, что это – выходец из Нормандии. Как литературный гротескный образ он вполне удался, но без учета знаменитого скандинавского коварства¹, которым прославились многие вожди викингов и нормандские герцоги и короли, недостоверен. Арамис представлял собой «утомленный солнцем» Южный Прованс, сочетая достоинства и пороки тамошнего населения, потомков галло-римлян: унаследованную от Античности высокую культуру, романтику и коварство. Д'Артаньян – пылкий гасконец, фактически баск, что сразу говорит о многом (вспоминается и знаменитый разгром арьергарда войск Карла Великого в Ронсевальском ущелье, и современный баскский сепаратизм с легким террористическим налетом). Добавим, что истинный Шарль д'Артаньян (1613–1673 гг.) был не только храбрым воином и дуэлянтом, но и ловким царедворцем и опытным интриганом. И вот его-то фигура наиболее близка к аквитанскому типу, поскольку Гасконь еще с римских времен считалась частью Аквитании (т. н. Аквитания терция); хотя иногда Гаскони удавалось обретать независимость, в XI в. она вновь была поглощена соседней Аквитанией. Иногда (не очень верно) их даже идентифицируют, указывая, что французы называли Аквитанией то, что англичане –

¹ Тут можно многое вспомнить: как в IX в. викинг Хастинг, притворившись мертвецом, взял целый город в Италии, а в XII в. Боэмунд тем же способом спасся от своего врага, византийского императора Алексея Комнина; полубогатый рассказ о том, как герцог Вильгельм – будущий Завоеватель Англии – обманом заставил Гарольда Годвинсона принести страшную клятву о том, что тот не займет английский престол (и впоследствии обвинил последнего англо-саксонского короля Гарольда II в клятвopеcтyплении), и то, как позднее тот же Вильгельм, стравив королей Норвегии и Англии, обескровил и завоевал последнюю, и т. п. Недаром через века донес до нас камень руническую надпись: «Коварным зовусь я, враном зовусь я – эриль, рисующий руны!»

Гасконью или Гиенью². Впрочем, ко времени Столетней войны, одним из поводов к которой прослужило земельное приданое давно почившей Элеоноры, все это было уже не столь важно.

Три мушкетера. Художник М. Лелуар

Еще греко-римский историк и географ Страбон писал, подчеркивая родство аквитанов с иберами (обитателями Испании): «Далее... идет Трансальпийская Кельтика... Некоторые делили ее, например, на 3 части, называя ее обитателей аквитанами, бельгами и кельтами.

² В частности, Г. Хьюит пишет, повествуя о военных экспедициях Черного Принца в XIV в.: «Область, куда должен был отплыть принц Уэльский, в английских документах XIV века называется Аквитания, Гиень (Гюйен) или Гасконь, и между этими названиями нет четких различий. Слово “Аквитания”, разумеется, использовали как название герцогства Аквитанского, но в записях, в английских хрониках и у Фруассара чаще всего встречается название Гасконь. Но авторы французских хроник и современные французские историки обычно отличают Гасконь от Гиени и в тех случаях, когда необходима точность, обычно используют название Гиень (Гюйен). Воины из союзных принцу войск, набранные в области между Пиренеями и провинцией Сентонж, имели боевой клич «Гиень, святой Георгий!» или просто «Гиень!» Еще задолго до середины XIV века Аквитания, Гиень и Гасконь перестали быть политическими образованиями и стали единой областью, которую англичане и французы делили между собой» – и далее автор конкретно упоминает «огромное наследство, которое в XII веке принесла английской короне Алиенора Аквитанская», и добавляя затем: «Нет ничего удивительного в том, что жители этого края были на стороне англичан. За двести лет, прошедших с той свадьбы, которая объединила герцогство Гиень с Английским королевством (Алиеноры Аквитанской и Генриха Анжуйского, позже английского короля Генриха II), герцоги-короли поддерживали и укрепляли верность им их здешних подданных».

Аквитаны, по словам этих писателей, совершенно отличны не только по своему языку, но и в смысле телосложения; они скорее похожи на иберов, чем на галатов... Аквитанских племен более 20, но они все малочисленные и безвестные; большинство этих племен живет по океанскому побережью, тогда как другие распространились до внутренних областей страны и до вершин горы Кеммен вплоть до области тектосагов... Римляне даровали «латинское право» некоторым аквитанам» («География», IV, I, 1; II, 1–2). Со времен Античности аквитаны пользовались репутацией храбрецов и прекрасных конников – еще Спартак, рассылая своих эмиссаров к галльским и германским племенам с призывом поддержать его восстание, обращался и к аквитанскому царю Пизону (его имя указывает на определенные связи, возможно, узы гостеприимства, со славным римским родом); тому, как обладателю почетного титула «друга римского народа», хватило мудрости не ввязываться в столь шаткое предприятие; его тезка и внук служил начальником аквитанской конницы у самого Цезаря и, также получив почетное звание друга и союзника римского народа, погиб во время боя Галльской войны в 55 г. до н. э., как о том написал сам Цезарь: «Наша конница состояла из пяти тысяч человек, а у неприятеля было налицо не более восьмисот всадников, так как те, которые переправились на другой берег Мосы за фуражом, еще не вернулись; тем не менее, как только они заметили наших всадников, они напали на них и быстро привели в замешательство: дело в том, что послы неприятелей незадолго до того ушли от Цезаря и просили перемирия именно на этот день; вот почему наши всадники не опасались никакого нападения. Когда они стали сопротивляться, те, по своему обыкновению, спешили и, подкалывая наших лошадей, многих из наших сбили с них, а остальных обратили в бегство и гнали в такой панике, что те перестали бежать только при появлении головного отряда нашей пехоты. В этом сражении было убито из наших всадников семьдесят четыре человека, в том числе храбрый и очень знатный аквитанец Писон, дед которого был некогда царем своего народа и получил от нашего сената титул друга. Поспешив на помощь к своему брату, которого окружили враги, он выручил его, но сам был сбит со своего раненого коня; тем не менее, пока был в состоянии, очень храбро защищался; наконец, окруженный врагами, он пал от ран. Когда его брат, бывший уже вне линии боя, издали заметил это, он во весь опор бросился на врагов и также был убит» («Записки о Галльской войне», IV, 12). Вообще, есть смысл обратиться к означенному труду Гая Юлия, если есть желание ознакомиться с Аквитанией его времени, которую он выделял, как треть Галлии («Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут белги, в другой – аквитаны, в третьей – те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем – галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна, а от бельгов – Матрона и Секвана... Аквитания идет от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию. Она лежит на северо-запад» – там же, I, 1). В частности, Цезарь пишет о завоевании Аквитании П.Крассом, о прибытии к себе аквитанских заложников, а также упоминает такие аквитанские племена, как ауски в Гаскони, бигтерионы на реке Адур, вокаты на нижнем течении Гаронны, гарумны у ее истоков, сатиаты на ее левом берегу, гаты в Гауре, кокосаты, нигиоброги со столицей в Агиннуме, птиании у подножия Пиренеев, приморские сибузаты, тарбеллы на реке Атуре, тарусаты между тарбеллами и сатиатами, элусаты. Но это – не наша тема.

Итак, если воспользоваться литературными параллелями Дюма – «взяв» ²/3 импульсивного д'Артаньяна и «добавив» треть утонченного ловеласа Арамиса – в итоге получим Вильгельма IX (1071–1126 гг., правил с 1086 г.), герцога Аквитанского, родного деда Элеоноры, потомка рода Рамнульфидов, бывшего в родстве с Каролингами. Будучи девятым герцогом Аквитании и, по совместительству, седьмым графом Пуату³ и владельцем еще разного рода

³ Сразу дадим справку, необходимую для разграничения схожих названий: Пуату – графство, Пуатье – его столица.

земель, число которых он регулярно старался увеличить, он по обширности владений превосходил самого французского короля (номинальным вассалом которого он был).

Впрочем, общепризнано, что правителем, равно как и политиком, он был не очень удачливым – как тот веселый поющий король из старой советской песенки, который «войну проиграл, полноги потерял», и если и остался в истории, то в совершенно иной нише – как самый первый трубадур, неутомимый ловелас, законодатель вкуса и моды. С обоими своими женами – Ирменгардой Анжуйской и Филиппой Тулузской – он последовательно развелся и столь же последовательно воевал со своими бывшими родственниками. Жажда странствий, а заодно нежелание быть исторгнутым из лона Церкви за захват Тулузы (впрочем, позже он дважды все же бывал из него извержен), подвигла его отправиться в Крестовый поход 1001 г. (его главной целью было вызволить из плена одного из видных вождей крестоносцев, норманна Боэмунда). Прибыв в Малую Азию через Константинополь, он при Гераклее понес сокрушительное поражение от сельджуков, так что явился к основным крестоносным силам в Антиохию всего с шестью воинами и графом Вельфом VI Баварским. Доблестные вояки умудрились «потерять» сопровождавшую их маркграфиню Австрии Иду Форнбах-Рательбергскую, красивейшую женщину своего времени, хоть и не первой молодости, которая то ли была убита при Геракле⁴, то ли попала в гарем сельджукского султана Кылыч-Арслана I или мосульского эмира.

⁴ Согласно С. Рансимену, наиболее вероятно, что воины-крестоносцы «в панике бросили паланкин, где находилась женщина, она упала на землю, и ее растоптали насмерть».

Гильом IX Аквитанский. Средневековая книжная миниатюра

Те из воинов Христа, что не сложили свои головы в Малой Азии и Палестине, возвращались домой кто с христианскими реликвиями (подлинными или поддельными), кто с бесценными сокровищами, кто с прелестными пленницами – а наш герой вернулся с подхваченными у неверных музыкальными мотивами, новой ритмикой стиха и сюжетами! По крайней мере, серьезные исследователи обнаруживают все это в его сохранившихся 11 произведениях – герцог творил в стихотворно-музыкальном провансальском жанре «ле», для которого в целом характерны куртуазный стиль, фантазия, чудесные повествования и эротика, оформленные в виде строфической песни – своего рода пьесы для музыкальной декламации, порой в лицах – и определенно указывают на то, где «первый трубадур» всего этого набрался. Правда, иной раз считают, что «восточные мотивы» проникли в Аквитанию другим путем, куда более близким – из захваченной арабами соседней Испании, однако все согласны с тем, что новатором в этом деле стал именно герцог Вильгельм, которого иногда называют Франсуа Вийоном XII века. Порой его титулуют еще выше – отцом не только провансальской, но и вообще европейской поэзии. Согласитесь, не такая уж дурная слава для неудачного вояки, хотя позже он не

без успеха воевал с испанскими сарацинами, поддерживая христианские королевства Арагон, Кастилию и Леон.

Вообще, дед Элеоноры был замечательным оригиналом, и европейские хроники того времени (или несколько более поздние) немногими штрихами рисуют весьма колоритный портрет герцога Вильгельма. «Жизнеописания трубадуров», датируемые XIII–XIV вв., оставили такой рассказ о нем, предоставив в сборнике почетное и вполне заслуженное первое место: «Граф Пуатевинский был одним из куртуазнейших на свете мужей и превеликим обманщиком женщин. Как доблестный рыцарь владел он оружием и отличался щедростью и великим искусством в пении и трубадурском искусстве. И немало постранствовал он по белу свету, повсюду кружа головы дамам. И был у него сын, каковой в жены взял герцогиню Нормандскую (ошибка древнего автора. – Е. С.), родившую ему дочь, которая стала женой Генриха, короля английского, матерью Короля-юноши (Генриха, провозглашенного королем, но умершего раньше своего отца, обо всем этом будет подробно рассказано в своем месте. – Е. С.), эн⁵ Ричард (будущего Львиного Сердца. – Е. С.) и графа Джоффруа Бретанского».

Довольно внимания уделил ему Ордерик Виталий на страницах своей «Церковной истории»: «В году 1101 от Рождества Господа нашего, Гильём, герцог Пуатевинский, собрал огромное войско из Аквитании и Гаскони и, полный воодушевления, двинулся в священный поход. Он был храбр и доблестен и чрезвычайно веселого нрава, превосходя даже самых находчивых лицедеев бесчисленными своими шутками... (Потерпев поражение,) нищий и обездоленный, едва добравшись до Антиохии, входит в нее всего с шестью спутниками... Герцог Пуатевинский, совершив в Иерусалиме молебствия, с несколькими сотоварищами своими возвратился на родину, и властителям и знатым, а также стекавшимся послушать его христианам многократно рассказывал о бедствиях своего плена, и так как он был веселого нрава и остроумцем и к тому же оправился и окреп, живя в полном благополучии, он повествовал обо всем этом ритмическими стихами, уснащенными шутками».

Уильям Мальмсберийский в произведении «О деяниях королей английских» слишком строг к нашему герою: «...Тогда (в 1119 г.) графом Пуатевинским был Гильём – человек безрассудный и ненадежный, который прежде своего возвращения из Иерусалима... глубоко погряз в трясине пороков, как если бы полагал, что все вершится случайностями, а не управляется Провидением. Прикрывая свои дурачества некоей обманчивой личиной благопристойности, он сводил все к остроумным шуткам и заставлял рты своих слушателей растягиваться от хохота. Наконец, воздвигнув возле некоего замка Ивор (Ниорт) здание наподобие небольшого монастыря, он задумал в безумстве своем разместить там аббатство блудниц; называя поименно ту или иную, отмеченную молвой за свое непотребство, он напевал, что поставит ее аббатисой или игуменьей, а все остальные будут простыми монахинями. Прогнав законную супругу свою, он похитил жену некоего виконта из замка Геральда по имени Мальбергиона (по одной из версий, это не имя виконтессы де л'Иль Бушар, похищенной с ее полнейшего согласия, а название замка, в котором герцог поселил свою пассию; более она известна под прозвищем Данжерёза (опасная. – Е. С.), к которой до того пылал страстью, что нанес на свой щит изображение этой бабенки⁶, утверждая, что хочет иметь ее с собой в битвах, подобно тому, как она имела его при себе за пиршественным столом. По этой причине его осудил и отлучил от церкви Герард, епископ Ангулемский, повелевший ему пресечь незаконную любовную связь. На это Гильём сказал ему так: “Ты прежде завьешь своим гребнем ниспадающую со лба прядь волос, чем я возведу виконтессе, что отсылаю ее прочь от себя”, издеваясь над мужем, весьма редкие волосы коего не нуждались в гребенке.

⁵ «Господин» (староюжнофр.), близкое к испанск. «дон».

⁶ Ж. Флори полагает, что любовница герцога была изображена на его щите обнаженной.

Не иначе он поступил и тогда, когда Петр, прославленный своею святостью епископ Пуатевинский, стал его ласково укорять, а тот наотрез отказывался последовать его указаниям, вследствие чего епископ начал произносить его отлучение, а он, помахивая обнаженным кинжалом, заявил: «Ты тут же умрешь, если не снимешь с меня отлучения». Тогда первосвященник, изобразив страх, попросил у него дозволения говорить и провозгласил, не пропустив ничего, все остальное, что подобало при отлучении, и таким образом граф оказался вне христианского мира и ему было воспрещено разделять с кем-либо трапезу, а также беседовать, пока он полностью не образумится. Итак, исполнив, как ему представлялось, свой долг, епископ, жаждущий испытать мученический венец, протянул свою шею и молвил: «Рази, рази!» Но Гильём, еще больше закосневший в упорстве, с привычным своим красноречием сказал: «Ты, несомненно, мне так ненавистен, что я не удостою тебя проявлением моей ненависти, и ты никогда не вознесешься на небо благодаря содеянному моею рукой». Однако, немного спустя, отравленный ядовитым подстрекательством своей распутной сожительницы, он отправил в изгнание священнослужителя, убеждавшего его положить конец блуду. Изгнанник, дождавшись блаженной кончины, своими частыми и великими чудесами явил нашему миру, какой славою он овеван на небе. Услышав об этом, граф не воздержался от своей наглой велеречивости; он во всеуслышание заявил, что сожалеет о том, что не ускорил епископу смерти, дабы святая душа его получила более щедрое воздаяние, и он обрел бы небесное упокоение благодаря его (графа) ярости...»

Ему вторит в своей хронике Гальфред Вожский: «Герцог Аквитанский Гильём переправился со многими своими в Иерусалим, но нисколько не возвеличил имя христианское: он был чрезмерно охоч до женского пола и поэтому отличался непостоянством во всем. Войско его было истреблено сарацинами и тогда же погиб Радульф, достопочтенный епископ Перигорский».

Гальфред Толстый ворчливо отметил в «Житии Бернарда, аббата Тиронского»: «Герцог Аквитанский Гильём – враг всяческого целомудрия и святости».

Этьенн де Бурбон свидетельствовал в произведении «О различных предметах, проповеди достойных» о том, что порой аквитанский герцог вел себя, как легендарный халиф Харун ар-Рашид или византийский император Феофил: «Я слышал, что некий граф Пуатевинский пожелал испытать, какие человеческие занятия наиболее привлекательны. Изменив свой облик, он познал всевозможные человеческие занятия, нравы, положения и сообщества всяких людей и, возвратившись к прежнему своему положению, заявил, что наиболее привлекательна жизнь купцов в торговые дни».

Свидетельство Рауля де Дисета интересно привести, хотя историками оно уличается в определенной недостоверности – сын герцога был слишком мал тогда (13–14 лет в 1113 г.), восстание началось без его участия, да и связи с Данжерёзой еще не было: «В году МСХІІ Гильём, граф Пуатевинский, привел в свой дом при живой жене любовницу по имени Амальберга. Гильём, первородный сын графа, вознамерившись отмстить за оскорбление матери, восстал на отца. Раздор между ними затянулся надолго, и в течение семилетия Аквитания была ввергнута в бедствия. Наконец, захваченный в битве сын примирился с отцом». Примирение состоялось вполне в стиле герцога Вильгельма – он женил своего сына (и тезку) на Элеоноре де Шатильро – дочери своей любовницы Данжерёзы.

Ближе к концу жизни различные амурные проделки, междоусобные войны и притеснения монастырей (о чем свидетельствуют послания папы Урбана II⁷ и Гальфреда Вандомского⁸)

⁷ «Дивимся мы на тебя, который, отличаясь благостным рвением во всем, что требуется для воина, отходишь от благочестия отца твоего, ибо нарушаешь права церковей, разоряя те, каковыя он основал».

⁸ «Гильёму, главе всего войска и преславному герцогу Аквитанскому, Гальфред, служитель Вандомского монастыря, желает в настоящем победы над врагами, а в будущем вечной славы... Вам же, герцог жизни похвальной, коего Господь почтил телесною красотой и душевным величием превыше всех в мире, дабы сделать вас, превосходящего внешностью сынов чело-

постоянно сходили ему с рук благодаря тому, что римский папа Каликст II (на кафедре в 1119–1124 гг.) приходился ему троюродным братом.

Таковы были «труды и дни» герцога Вильгельма, который пел сам про себя:

Не знаю, под какой звездой
Рожден: ни добрый я, ни злой,
Ни всех любимец, ни изгой,
Но все в зачатке;
Я феей одарен ночной
В глухом распадке.

Выше по отношению к Вильгельму не раз употреблялся термин «трубадур»; сейчас самое время поговорить о нем подробнее в связи с формированием новой идеологии служения Даме, в которую герцог, как идеолог, внес свою весьма обширную лепту. Это – важное отступление, если не будем забывать о том, что название данной книжной серии – «Любовные драмы». Искусство и, не побоимся этого словосочетания, философия трубадуров произвели форменную революцию в тогдашнем восприятии мира и, собственно, места в нем женщины. Протягивая своеобразный «мостик» от деда нашей героини к ней самой, скажем так: она воплотила на практике то, теоретические основы чего заложил ее веселый дед.

Происхождение самого термина – неясно; то ли от романского «trobar» («находить», в нашем случае – удачную рифму, аллегория и т. д.; «изобретать», «сочинять» и т. п.), то ли от вставных иносказательных элементов средневековых латинских гимнов – «троп». Трубадуры были мастерами песенной поэзии, символизма, загадок и экспромта, любили странствовать верхом, воспевая прекрасных дам и вызывая на поэтические состязания конкурентов. Они всегда сами сочиняли свои песни, изредка перепоручая их петь стоящим на более низкой ступени социальной лестницы жонглерам. Отметим сразу, что южнофранцузский трубадур – далеко не бедный странствующий певец, известный всем нам по мультфильму «Бременские музыканты»: среди трубадуров встречались не только горожане и монахи-расстриги (было б лишь соответствующее образование – «7 свободных искусств»⁹ плюс окончание особой певческой школы, обычно при епископиях или монастырях, ну и, разумеется, талант), но и множество рыцарей (феодалы рода д'Юссель, Джауфре Рюдель, Бертран де Борн и его сын-тезка, Раймбаут де Вакейрас, Раймон де Мираваль), и даже представители титулованной знати – как тот же герцог Вильгельм, графы замка Вентадорн Эблес, граф Оранский Раймбаут д'Ауренга и его возлюбленная трубадурка-графиня де Диа. Да что там герцог – прославленным и признанным трубадуром был его знаменитый правнук – король Ричард Львиное Сердце! Широко известна легенда о том, что его творчество фактически спасло ему жизнь: когда король томился в германском плену, его соратники, не зная места его заключения, обходили замки Священной Римской империи и начинали петь его песню; когда из одной твердыни слышалось продолжение, они поняли – король здесь. Пусть это всего лишь романтическая легенда – она достаточно характерна. Пара песенных текстов Ричарда дошла до нашего времени, равно как и приписываемые его авторству мелодии, включая знаменитейшую Greensleeves – правда, знатоки музыки находят в ней черты итальянской канцоны XV в., но авторство короля для музыки

веческих, прекрасным и великим также на небе, никоим образом не подобает дозволить, чтобы наш монастырь, достойным образом построенный вашими предками по их воле и их иждивением, был унижен и ущемлен в своем достоянии. Если вы допустите это, вам следует опасаться, как бы ангелы не оповестили предков ваших об этом и не огорчили их души, каковые вам надлежало бы скорее исполнить радостью».

⁹ Принятый еще с античной Александрии курс наук (знаменитые «тривиум» и «квадривиум») – грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка, после одоления которых древним разрешалось приступать уже к изучению философии, а людям Средневековья – богословия, медицины или юриспруденции.

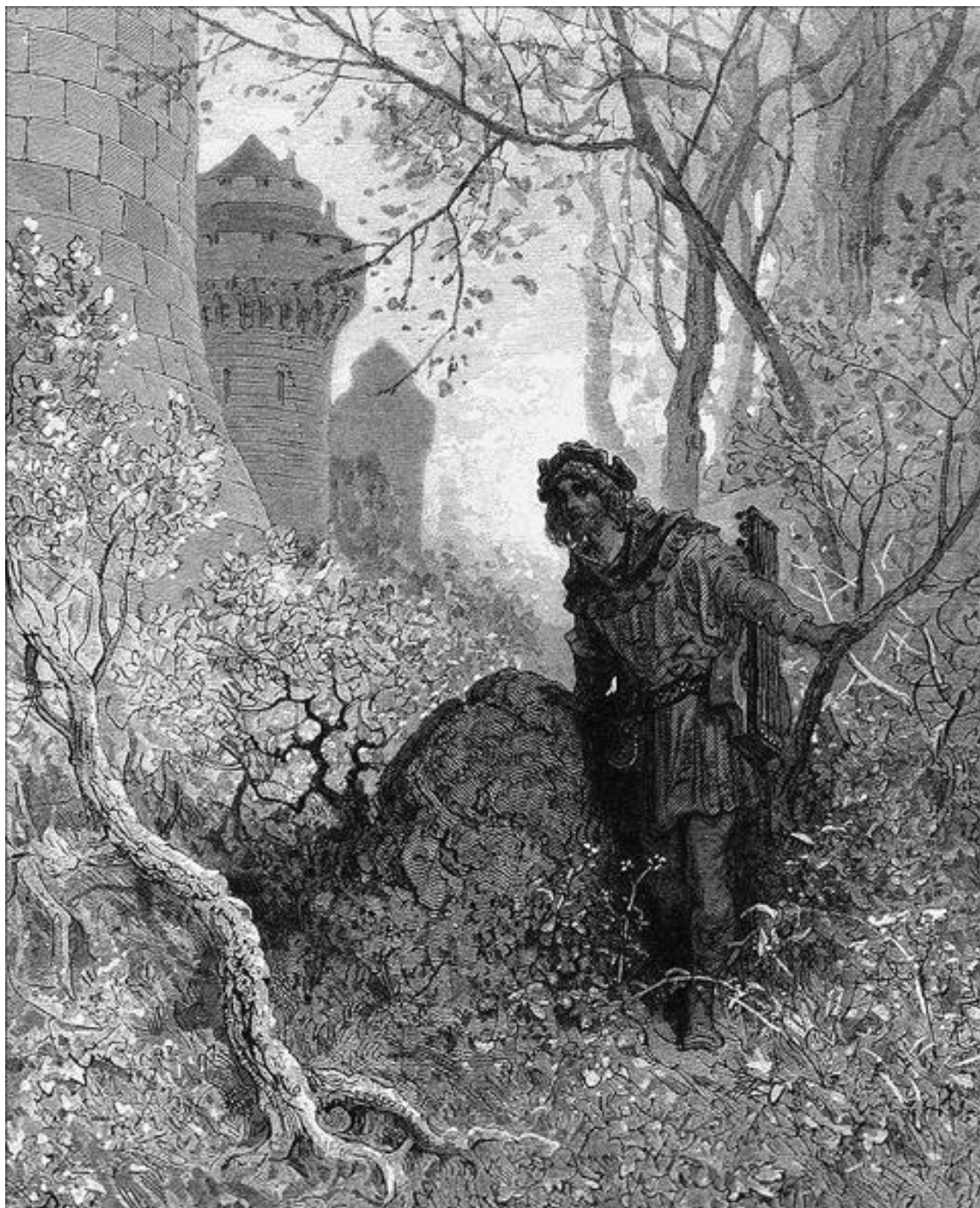
канцоны или сирвенты «Ни один пленник» («Ja nuns hons pris» или «Ja nuis om pres») на его же стихи не оспаривается точно. Компанию венценосному английскому трубадуру составляет король Альфонс II Арагонский.

Римский папа Каликст II. Средневековая книжная миниатюра

Культура трубадуров сформировала такое понятие, как куртуазность. Оговоримся сразу – речь пойдет об идеале, которому действительность соответствовала отнюдь не всегда. Итак, трубадур избирал себе Даму сердца и служил ей пером и мечом (если он – рыцарь), защищая ее красоту и честь перед дамами конкурентов. Зачастую Дама оказывалась знатнее и богаче воз-

дыхателя, да еще порой замужем и, как говорится, с кучей детей – однако в том и заключалась особенность куртуазности, что само овладение Дамой не рассматривалось как цель (хотя вряд ли при случае кто от этого отказался бы, для примера можно вспомнить хотя бы знаменитое фавлю «О рыцаре в алом плаще»). Как ни странно это звучит теперь, целью был сам процесс служения и восхваления. Максимум, на что зачастую мог надеяться трубадур благородного происхождения – это позволение носить геральдические цвета Дамы (как вариант – подаренные ею ленточки, пояс, кольцо, шнурок, локон или перчатки) или – верх счастья! – рукопожатие, невинный поцелуй украдкой или созерцание обнажившейся Дамы. Какой трогательной наивностью веет от рассказа о трубадуре Раймбауте Оранском: «Долгое время направлялись помыслы его к этой графине (д'Юржель. – *Е. С.*), любил же он ее не видя, и так никогда и не собрался пойти на нее поглядеть. Слышал я от нее, в бытность ее уже монахиней, что ежели бы тогда он пришел, то она бы такую даровала ему усладу: тыльной стороной руки дозволила бы потрогать голую свою ногу. Умер Раймбаут, все любя ее, наследника же не оставил». Трубадур Арнаут де Марейль считал так: «Я не думаю, что любовь может быть разделенной, ибо, если она будет разделена, должно быть изменено ее имя». Но и то, что метафорически именовалось «высшей усладой», «награждением венцом» (чтощий да разумеет, что и чем увенчивали) или «надеванием перстня/кольца», многими только приветствовалось!

Блондель слышит голос Ричарда Львиное Сердце. Художник Г. Доре

Исследователь и переводчик творчества трубадуров А.Г. Найман верно отмечает: «Уже само добровольно принятое страдание оборачивается для трубадура радостью. Трудно переоценить культурное значение той революции, которую повлекла за собой новая концепция незаинтересованной любви, неизвестная ни античности, ни (до прихода трубадуров) средним векам. По словам английского ученого Роберта Бауры, роль куртуазного идеала заключалась в том, что в эпоху, когда плоть считалась греховным началом, трубадуры “освободили и освятили плоть, подчинив ее непогрешимому идеалу смирения и самопожертвования, и разрешили конфликт между душой и телом”». Не порывая с изначальным эротизмом, эта концепция, сделавшая Даму принципиально недоступной, сосредоточила энергию любви на ее идеальном аспекте. Явившись источником духовного совершенствования для мужчины, эта любовь

в какой-то мере освобождала и женщину от господствовавшего на протяжении средних веков отношения к ней как к существу низшего порядка, виновнице грехопадения и сосуду зла. Но это – уже далеко идущие последствия новой идеи любви, родившейся под небом Прованса». Монтаньяоль утверждал, что «любовь не грех, а добродетель, в силу которой дурные люди становятся хорошими, а хорошие – совершенными», и ему вторит Аймерик де Пегильян:

Не сосчитать всех даяний Любви!
Речь дурака стала смысла полна,
А в подлеце снова честь рождена,
Злой подобрел – хоть святым объяви,
Скаредный – щедр, и мерзавцы не гадки,
Скромен гордец, робкий – смел без оглядки.

Философия самосовершенствования любящего красной нитью проходит через все творчество трубадуров.

Русский исследователь В.Ф. Шишмарев подчеркивал, что возникший в Южной Франции куртуазный культ Дамы был реакцией на многочисленные браки по расчету или необходимости – в нем «впервые был поставлен вопрос о самооценности чувства и найдена поэтическая формула любви».

При этом сами воздыхатели вовсе не являли собой Рыцарей Печального Образа, как Дон Кихот со своей Дульсинеей: наличие обожаемой и не всегда достигаемой Дамы вовсе не исключало постельных шалостей с женщинами попроще или даже семейных союзов: как говорится, платоническое служение Даме – одно, радости плоти и продолжение рода – совсем другое. Ж. Флори указывает: «Куртуазный рыцарь будет ухаживать за дамой, доказывая тем самым, что он способен завоевать ее без насилия, искусно, кротко и галантно, – но при этом он бесстыдно возьмет свое (и если нужно, силой) у простолюдинки, крестьянки или горожанки. Пасторали XII–XIII вв., повествуя о случайных встречах рыцарей и пастушек, бегло сообщают, что в доброй половине случаев сексуальные домогательства рыцаря ждал успех, – но успех этот достигался силой. Заметим, что поэты ничуть не осуждают такой образ действий – настолько для них очевидно, что женщина низкого происхождения должна быть взята штурмом; более того, она должна почитать за счастье то, что была обесчещена или даже лишена девственности». Дауде де Прадас, трубадур из похотливых каноников, признавался:

Рыцарь и дама. Средневековая книжная миниатюра

Пред Донной я склонил колени —
Она всех в мире совершенней, —
Пред знатною девицей таю
И девкой не пренебрегаю!..
На пользу мне же, долг зовет,
Чтоб Донне честь я воздавал.
А коль немного заскучал —
К девице знаю тайный ход.
Хочу ли больших наслаждений —

Их без запретов, без стеснений
С веселой девкой получаю,
Когда часочек улучаю,
Чтоб с нею дань воздать порой
Любовной радости простой.

Из всего вышеизложенного явно, что целомудрие при аквитанском дворе было не в чести, причем, естественно, инициатива исходила со стороны обоих полов. Сам герцог, которого недаром именовали врагом целомудрия, пел:

Я хочу вам, стражи, дать совет простой
(И словам моим не внемлет лишь глухой):
Не старайтесь понапрасну, не поможет вам разбой.
Я не видел в мире дамы молодой,
Что могли б сдержать засовы со скобой.
Если путь прямой заказан, путь найдет она кривой.

Вот интересный пример, такая вот простенькая, без затей, старинная французская любовная песенка XIII века, уникальная тем, что пелась женщиной от имени «героинь, позволивших себе быть охваченными огненной глубокой и бесстыдной чувственностью любовных страстей» – таких песен до нашего времени дошло всего 20 в манускриптах Сен-Жермен-де-Пре и Королевском – из Парижской Национальной библиотеки (песнь Иоланды – из Королевского манускрипта Годфруа Незаконнорожденного). (Перевод со старофранцузского. – Е. С.):

1. «Bele Yolanz en ses chambers seoit. \ D'un boen samiz une robe cosoit: \ a son ami tramettre la Voloit. \ En sospirant ceste chancon chantoit: \ – Dex, tan test douz li nons d'amors: \ ja n'en cuidai sentir dolors». – «Прекрасная Иоланда сидела в своих покоях и шила роскошную шелковую мантию; она хотела послать ее своему другу. Вздыхая, она пела эту песню: – Бог, которому мило имя любви: никогда я не думала чувствовать такое наказание». 2. «Bels douz amis, or Vos Voil envoyer \ une robe par mout grant amistie. \ Por Deu Vos pri, de moi aiez pitie. \ Ne pot ester, a la terre s'assiet. \ Dex, tan test douz li nons d'amors: \ ja n'en cuidai sentir dolors». – «Мой милый друг, хочу тебе послать мантию в свидетельство любви. Ради Бога, прошу тебя, пожалей меня. Бог, которому мило имя любви: никогда я не думала чувствовать такое наказание». 3. «A ses paroles et a ceste raison, \ li siens amis entra en la maison. \ Cele lo Vit, si bassa lo menton: \ ne pot parler, ne li dist o ne non. \ Dex, tant est douz li nons d'amors: \ ja n'en cuidai sentir dolors». – «Когда она говорила эти слова, когда она так думала, ее друг вошел в ее дом. Она его увидела и опустила подбородок, она не могла говорить, не сказать ни “да”, ни “нет”. Бог, которому мило имя любви: никогда я не думала чувствовать такое наказание». 4. «– Ma douce dame, mis m'avez en obli. \ Cele l'entent, se li geta un ris. \ En sospirant ses bels braz li tendi: \ tant doucement a acoler l'apris. \ Dex, tan test douz li nons d'amors: \ ja n'en cuidai sentir dolors». – «Моя милая дама, ты меня забыла. Она слушала, он улыбнулся. Вздохнув, она протянула к нему свои прекрасные руки, очень нежно прижала его к себе. Бог, которому мило имя любви: никогда я не думала чувствовать такое наказание». 5. «– Bels douz amis, ne Vos sai losengier, \ mais de fin cuer Vos aim et senz trechier \ Quant Vos plaira, si me porrez baisier: \ entre Vos bras me Voil aler couchier. \ Dex, tant est douz li nons d'amors: \ ja n'en cuidai sentir dolors». – «Мой милый друг, я не знаю, как солгать – я совершенно тебя люблю и без обмана. Если хочешь, можешь меня обнять: я хочу лечь в твоих объятиях. Бог, которому мило имя любви: никогда я не думала чувствовать такое наказание». 6. «Li siens amis entre ses braz la prent, \ en un biau lit s'asient seulement. \ Bele Yolanz lo baise estroitement; \ a tor francois enmi lo lit l'estent. \ Dex, tan test douz li nons d'amors: \ ja n'en cuidai sentir dolors». – «Ее друг обнял, на хорошую кровать они оба сели.

Прекрасная Иоланда поцеловала его, тесно соприкоснувшись, и он разложил французенку на постели. Бог, которому мило имя любви: никогда я не думала чувствовать такое наказание».

Пожалуй, вполне можно применить к этому явлению термин «сексуальная революция». Тогда весьма многие пары позволяли себе совокупляться лишь несколько раз в год – для продолжения рода, причем особо наивные полагали, что соитие должно производиться прямиком в женский пупок (долго ж таким приходилось ждать детей!). А Бертран Карбонель прямо пел:

Господь велел, чтоб Ева и Адам
Не устыдись сопрягать тела
И чтоб любовь такая перешла
Ко всем от них рожденным племенам.
Адам – наш корень. Дерево цветет,
Коли от корня жизнь к нему течет,
И днесь, тела влюбленных сочетая,
Творится воля Господа святая!

Однако трубадуры бывали не только лириками – порой их произведения наполнены желчью, сарказмом, причем как по отношению к соперникам¹⁰, так и к жестокосердным дамам. Тот же герцог Вильгельм Аквитанский изрек в ответ двум кумушкам:

¹⁰ Особенно славен этим был Ричард Львиное Сердце. Как свидетельствует Гальфред Винисальвский: «После того как этот злонамеренный вымысел получил широкое распространение в войске, король (Ричард), чрезвычайно рассерженный этим, решил отомстить сходным образом. Итак, он спел кое-что и о них. Однако к собственному своему вымыслу он не приложил большого труда, располагая изобильнейшими сведениями...» Известны его пикировки в стихах (например, с изменившим ему Дофином Овернским), а также различные сетования в плену, например: Моих английских и нормандских слуг, Да и гасконских, я за то клянусь, Что я лишь самому себе и друг, Который обретается в плену.

Трубадур и его дама. Художник Ч.-Х. Уилсон

А теперь послушайте, что я ответил:
Я не сказал им ни “бе”, ни “ме”,
Не упомянул ни о железе, ни о палке,
А лишь только [произнес]:
Бу-бу-бу, бу-бу-бу.

За подобную некуртуазность дамы швырнули герцогу на то самое место, которое отличает мужчину от женщины, разъяренного кота, изрядно расцарапавшего шутника.

Знаменитый Бертран де Борн, который еще появится на страницах этой книги, отчаявшись найти реальное женское совершенство, сотворил в стихах синтетическую «составную Даму»; но обиды забываются, и он же так обрисовал Маэту де Монтаньяк, предпочтшую его самому Львиному Сердцу:

...высшего в ней чекана
Все: свежа, молода, румяна,
Белокожа, уста – как рана,
Руки круглы, грудь без изъяна,
Как у кролика – выгиб стана,
А глаза – как цветы шафрана.

А и сами дамы бывали с тем еще перцем – «Жизнеописания трубадуров» повествуют, к примеру, «про даму по имени мадонна Айа, ту, что сказала рыцарю де Корниль, что вовек его не полюбит, ежели он не протрубит ей в зад» (гл. XV). Экая фантазерша... Но куда более знаковым явлением становятся женщины-трубадурки (графиня де Диа, Азалаида де Поркайрагес, Кастеллоза из Оверни, Мария де Вентадорн, Гарсенда де Сабран де Форкалькьер, Клара Андюзская), не стеснявшиеся петь о своих чувствах – почитать графиню де Диа, так словно воскресла античная Сапфо; значит, не так уж неправ был Фридрих Энгельс, утверждая, что трубадуры воскресили эллинизм:

Неверный друг мне шлет укор,
Забыв безумств моих задор
На ложе и в парадном платье.
Напомнить бы ему сполна
Прикосновением нагим,
Как ласково играла с ним
Грудь пуховая волна!

Другая женщина-трубадурка – Клара Андюзская – пела:

Есть у меня заветное желанье:
Счастливого хочу дожждаться дня —
Постылых ласк угрозу отстраня,
Себя навек отдать вам в обладанье.

Писать об аквитанских трубадурах можно бесконечно, но, полагаем, сказанного вполне достаточно, чтобы показать, в какой атмосфере родилась и воспитывалась Элеонора Аквитанская. Именно она, которую исследовательница ее жизни Режи́н Перну именует «королевой трубадуров», понесет этот романтический свет в мрачный Париж, где обстановка королевского двора будет скорее напоминать монастырь строгого устава, а потом – в еще более далекую и суровую Англию, не одно десятилетие истекавшую кровью междоусобных войн, династических и национальных (при прадеде Элеоноры, аквитанском герцоге Вильгельме VIII, нормандско-французские войска захватили англосаксонскую Англию, и сопротивление чужеземцам еще долго не утихало). Не говоря уж об Англии, и Нормандия (обычно бывшая под властью одного правителя с Англией), и вся северная часть Франции были одинаково чужды

веселой Окситании (так называлась южная часть Франции с небольшими примыкавшими землями Испании и Италии). Это отметил в своем творчестве и дед Элеоноры, провозгласив:

Графиня де Диа. Средневековая книжная миниатюра

С подругой крепок наш союз,
Хоть я ее не видел, плюс
У нас с ней, в общем, разный вкус:
Я не в упадке:
Бегут нормандец и француз
Во все лопатки.

Как пишет комментатор М.Б. Мейлах, «северяне почитались на Юге недостаточно куртуазными, поэтому им нет места близ дамы».

Веселый герцог умер 10 февраля 1126 г. своей смертью и наверняка успел порадоваться на свою внучку, чье рождение обычно датируется 1120–1124 гг. Точное место, где появилась

на свет Элеонора, осталось неизвестным – обычно называют Ньёль-сюр-Отиз в Вандее, замок Белин в Жиронде или дворец Омбриер в Бордо (в последнем она провела свое детство и в первый раз вышла замуж). Своего сына герцог напутствовал в так называемой «предсмертной песни»:

...Уйду, а сыну суждена —
Как знать! – с соседями война.
Рука уже занесена,
Неотвратимая почти...
Коль Фолькон не защитит
Или король не охранит, —
Анжу с Гасконью налетит¹¹,
У этих верность не в чести!
Тогда от сына самого —
Ума и доблести его —
Зависеть будет, кто – кого!
Мужай, дитя мое, расти!

¹¹ В оригинале несколько иначе – «коварный гасконец или анжуец». Это к вопросу о том, подчинялась ли Вильгельму сама Гасконь. Ведь Фолькон, на помощь которого уповает герцог, – это Фульк (Фолькет) V, сам граф Анжуйский. Кстати, дед английского короля Генриха II, мужа Элеоноры. Таким образом, в данной строке песни речь все же не о графствах и их властителях, а о враждебных соседях вообще.

Глава 2

Юная герцогиня

Новый герцог Аквитании, Гаскони и граф Пуату Вильгельм X (1099–1137 гг., правил с 1126 г.) не был столь яркой и беспокойной личностью, как его отец, однако в целом придерживался линии правления своего предшественника: поддерживал культуру на высоком уровне, меценатствовал, дал своим детям, включая дочерей (Элеонору и Петрониllu¹²), прекрасное образование.

Гальфред Вожский сохранил в своей хронике анекдотический (по тому времени, когда воск был очень дорог) случай, происшедший у отца Элеоноры с трубадуром Эблесом Вентадорнским: «Эблес, брат Пейре из Пьер-Буффьера по матери Альмоде, сочинял прелестные песни и по этой причине был в величайшей милости у Гильёма, сына Гвидона¹³. Впрочем, они завидовали друг другу, и каждый из них старался при случае уколоть другого. Как-то раз случилось, что Эблес, прибыв в Пуату и войдя во дворец, застал графа за завтраком. Для него приготовили много блюд, но сделали это не сразу. По окончании графом завтрака Эблес, как говорят, сказал: “Столь славному графу не подобает снисходить до забот о кушаньях для столь незначительного виконта”. Спустя несколько дней за возвратившимся к себе Эблесом внезапно последовал граф. Когда Эблес сидел за завтраком, в замок Вентадорн стремительно входит граф в сопровождении сотни рыцарей. Заметив, что он погружен в размышления, Эблес велит немедленно принести воду и умыть руки новоприбывшим. Его подчиненные, между тем, обойдя замок, отобрали у всех съестные припасы и поспешно отнесли их на кухню. И состоялось роскошное пиршество из кур, гусей и прочих пернатых. Были приготовлены столь обильные яства, что многим казалось, будто торжественно отмечается свадьба какого-то государя. Уже вечерело, когда вдруг без ведома Эблеса прибывает некий крестьянин, идущий перед телегой, которую тащили быки. Голосом глашатая он прокричал: “Пусть сюда подойдут юноши графа Пуатевинского и посмотрят, как развешивают воск при дворе властителя Вентадорна”. Прокричав эти слова, он влез на телегу и плотницким топором тотчас сбил обручи на повозке. После того, как заслонки были сняты, с нее посыпались бесчисленные брусочки чистейшего воска. Крестьянин, словно ему не было до этого ни малейшего дела, снова влез на телегу и возвратился домой в Момон. Увидев все это, граф повсюду превознес верность и старательность Эблеса. А Эблес возвысил вышеупомянутого крестьянина, подарив ему и его детям упомянутый дом в Момоне. Сыновья крестьянина впоследствии были пожалованы рыцарским званием. Они – племянники нынешнего аббата Солиньякского и Альбоена, архидиакона Лиможского».

Изредка Вильгельм X воевал с Францией и Нормандией; последнюю он, воспользовавшись смутой в англо-нормандском королевстве (о ней – чуть позже), атаковал в 1136 г. в союзе с Жоффруа Плантагенетом¹⁴, графом Анжу; неудачно. Вряд ли кто-то, включая обоих феодалов, тогда мог предположить, что их дети составят самую блестящую пару европейского Сред-

¹² Источники также именуют ее Перонеллой, Аэлитой и Алисой. Что интересно, происходя из старофранцузского языка, *Peronnele* дало в современном французском слово *peronnele* – «глупая девушка», а в среднеанглийском – *pernelle*, перешедшее в ново-английское слово *pernel* – «распутница, любовница священника». Это не просто досужий лингвистический изыск, если учесть авантюру Петрониlлы с сенешалем французского двора, приведшую к кровопролитиям и церковным дрязгам, о чем будет рассказано в соответствующем месте.

¹³ Так хронист именует Вильгельма IX, деда Элеоноры.

¹⁴ Плантагенет – личное прозвище графа Жоффруа, распространенное затем на династию английских королей, его отпрысков. Объясняется тем, что граф-щеголь любил носить в волосах ярко-желтый цветок дрока, *planta genista*. Другое толкование – что это не дрок, а подорожник, и Жоффруа украшал его листьями свой шлем на турнирах. Вроде как бы эту привычку от него перенял и его сын Генрих.

невековья! На правление отца Элеоноры выпали церковные расколы и бунты знати, с чем он все же довольно успешно справился.

Смерть единственного малолетнего сына Вильгельма, последовавшая в 1130 г., поставила владычество дома аквитанских герцогов Рамнульфидов под угрозу; впрочем, Вильгельм Х был еще далеко не стар, и, овдовев, в 1135 г. женился вторично, однако нового наследника мужского пола он так и не дождался. На его плечи легла тяжелая задача, обозримого решения которой пока не предвиделось. И пока он решил начать привлекать совсем еще юную Элеонору к государственным делам. Она сопровождала отца в его поездках по владениям, вникала в суть госуправления, смотрела, как вершит суд ее отец. Вероятно, около 1137 г. Элеонора обзавелась любовником – бедным рыцарем по имени Ричард. Отец не был строг к дочери в этом отношении – сами легкие нравы аквитанского двора и южная пылкая природа способствовали этому. Ричард, естественно, не мог претендовать на то, чтобы стать мужем наследницы герцогского престола, ибо был для этого по понятиям того времени слишком худороден, но любить Элеонору ему позволили. Пока. Не помышлявший еще о смерти Вильгельм также еще не озаботился приисканием для дочери подходящей партии, а вопрос о девственности потенциальной невесты обычно поднимался тогда, когда она была неудобна физически или политически. Так, в частности, позже поступил сын Элеоноры Ричард, отказавшись жениться на сестре французского короля Алисе именно под предлогом того, что, будучи уже присланной в Англию, она была обесчещена отцом Ричарда, королем Генрихом II, была потом его любовницей и даже родила ребенка. Был большой политический скандал, для которого девственность невесты была лишь поводом; потом ее, кстати, хотели пристроить за брата Ричарда, Иоанна, но безуспешно. Но это все – дела будущего, пока же, в 1137 г., герцог отправился в паломничество в Сантьяго-де-Компостелу, однако в дороге почувствовал недомогание, начавшее стремительно усиливаться. Возможно, не обошлось без яда, хотя это только предположение – однако смерть не имевшего сыновей герцога могла быть выгодной очень многим его врагам и соседям (что зачастую одно и то же), хоть французскому королю. Герцог был далеко еще не стар (38 лет) и отличался отменным здоровьем, силой и аппетитом (утверждали, что он один мог съесть еды, которой хватило бы на 8 человек). Тем подозрительней его кончина. Вильгельму предстояло принять непростое решение. Да, он готовил Элеонору к бремени правления. Но было ль оно ей по силам? Приняла бы аквитанская знать правление над собой женщины, когда она и против мужчин постоянно восставала? Вопросы эти были, скорее всего, риторические, потому что ответ был, как говорится, перед глазами – через пролив. За два года до описываемых событий король Англии Генрих I Боклерк (1068–1135 гг., правил с 1100 г.) столкнулся с подобной проблемой.

Будучи младшим сыном Вильгельма Завоевателя, при разделе наследства отца он оказался «за бортом», получив 5000 фунтов серебра в качестве пресловутого кота в сапогах. Храбрый, но взбалмошный старший брат Роберт получил герцогство Нормандию (отец не решился доверить ему Англию), Вильгельм Рыжий – экстравагантный, злой, но более собранный – королевство Англию. Много лет братья боролись друг с другом: Роберт вполне справедливо считал себя обойденным, уповав на право первородства (королевство было куда более лакомым куском, нежели герцогство), а Вильгельм жаждал овладеть Нормандией и тем самым не только объединить под своим скипетром все владения покойного отца, но и тем самым парализовать малейшие претензии Роберта. Генрих поддерживал то одного, то другого, пока они вдруг не объединились против него самого. А дальше – то ли игра судьбы, то ли собственные упорство и коварство вознесли Генриха на английский престол. Роберт заложил герцогство брату-королю и отправился в I Крестовый поход; Генрих надеялся, что брат не вернется, и герцогство достанется ему, но по взятии Иерусалима в 1099 г. Роберт засобиравшись домой. И вот тогда Вильгельма II поразила на охоте стрела рыцаря Уота (Готье) Тиррела (1100 г.). Случайно ли? Вопрос! Тиррел бежал в Нормандию, а Генрих спешно короновался. Естественно, Роберт, вер-

нувшись из Святой земли, предъявил притязания на английскую корону, и началась гражданская война, самым интересным эпизодом которой явилась своеобразная «забастовка баронов» обеих партий, которые, сойдясь было на поле боя, вдруг отложили оружие и заставили братьев помириться. Так или иначе, мир долго не продлился, и в 1106 г. в решающей битве при Таншбрэ (в Нормандии) Роберт был пленен и до самой смерти, последовавшей лишь в 1134 г., оставался узником Кардиффского замка. Сын Роберта Вильгельм при поддержке французского короля пытался оспорить права Генриха, но умер в 1128 г.

Беда была в том, что единственный сын короля Генриха I, наследник Вильгельм Аделин, погиб при кораблекрушении в 1120 г. Король экстренно женился вновь, но брак оказался бездетным. Дочь Матильда, бывшая замужем за германским императором, в счет наследников не шла, и старый король приблизил к себе племянника – графа Стефана Блуасского, внука Вильгельма Завоевателя по его дочери Адели. Он и был объявлен наследником. Однако в 1125 г. Матильда овдовела и вернулась к отцу. Поразмыслив, он объявил ее наследницей (1126 г.), что немедленно вызвало бурю волнений среди баронов, особенно из партии Стефана – их заставили принести клятву верности (причем трижды – в 1126, 1131 и 1133 гг.). Тем временем Матильда вышла замуж за графа Анжуйского Жоффруа Плантагенета, и в 1133 г. у них родился сын Генрих – будущий король Генрих II (1133–1189 гг., правил с 1054 г.), второй муж Элеоноры Аквитанской.

Надобно отметить, что в тогдашней «Табели о рангах» новорожденный (благодаря первому браку своей матери) встал весьма высоко – многие хроники и документы именуют его не иначе как «сын императрицы». С рождением в 1134 г. второго внука, Жоффруа, Генрих I счел династию упрочившейся, и у него не возникало сомнений, кому со временем достанется английский трон. С тем он и умер – но так думали далеко не все, и два претендента, Стефан и отстраненная баронами от престола Матильда, сошлись в многолетней кровавой схватке – до 1153 г.! Именно ради защиты прав своей супруги Жоффруа Плантагенет в 1035 г. вместе с Вильгельмом X Аквитанским атаковал Нормандию, удерживаемую Стефаном. Разумеется, умиравший в 1137 г. Вильгельм Аквитанский не мог знать, насколько затянется это дело, но уже и того, что происходило при нем в Англии, начиная с 1127 г. и особенно с 1135 г., хватало, чтобы показать: вряд ли его бароны примут над собой власть женщины. И не матерой экс-императрицы, опирающейся на грозные анжуйские полки своего нового мужа, а юной девушки.

Была в этой партии, однако, еще одна фигура, которую Вильгельм не решился разыграть – его младший брат Раймунд, граф Пуату, который около 1136 г.¹⁵ обосновался властелином Антиохии Сирийской (он еще появится в нашем рассказе). То ли меж братьями царили какие-то нелады (известно, что до своего призвания в Святую землю Раймунд пребывал «в эмиграции» в Англии), то ли Вильгельм рассудил, что брат а priori не променяет блистательное латинское княжество, пусть даже находящееся на беспокойном приграничье, на родное герцогство. Видимо, его кандидатура в качестве следующего аквитанского герцога вообще не рассматривалась, отчего вполне резонно предположить, что своей партии он на родине просто не имел.

Решение, принятое умирающим герцогом, было половинчатым, однако аквитанские бароны и история расставили все по своим местам. Вильгельм назначил Элеонору своей наследницей и преемницей, герцогиней Аквитанской (благо, юг Франции сохранил многие черты римской юриспруденции, переродившиеся в том числе в право женщины наследовать феодальные владения и выступать в роли феодальных сеньоров), а ее опекуном (и ее сестры Петрониллы) – французского короля Людовика VI Толстого (1081–1137 гг., правил с 1108 г.), который должен был найти ей подходящего мужа при условии одобрения этого брака аквитанскими баронами. Сохраненный до нашего времени текст таков: «Я передаю двух своих дочерей под покровительство короля, моего господина. Ее [старшую] я отдаю ему ради того, чтобы он

¹⁵ Иногда указывают 1130-й, но это неверно.

выдал ее замуж, в том случае, если мои бароны согласятся с этим, и завещаю ей Пуату и Аквитанию». Аббат Сугерий, «правая рука» короля Людовика, свидетельствует: «Прибыв в замок Бетизи, король сразу же принял посланцев Гильома, герцога Аквитанского, которые сообщили ему о том, что герцог, отъехав в паломничество к гробнице Св. Иакова, умер по дороге, и о том, что перед тем, как тронуться в путь, и в дороге, почувствовав приближение смерти, он решил поручить Людовику свою наибогороднейшую дочь Алиенору, дабы король выдал ее замуж, а также вверить его охране все свои земли».

Гильом X на смертном одре. Средневековая книжная миниатюра

Согласно «Хронике Мориньи», Вильгельм прямо завещал баронам отдать Элеонору замуж за сына французского короля. 9 апреля 1137 г. Вильгельм X умер, а поскольку произошло это событие во время свершения им паломничества к гробнице св. апостола Иакова, Вильгельм был причислен к лику святых, оставшись в истории с соответствующим прозвищем.

Вообще, с этим завещанием (и его редакциями) не все ясно. Некоторые ученые полагают его подложным. Некоторые считают, что герцог написал его еще до отправления в палом-

ничество. Есть мнение, что его смерть была одно время даже скрыта от его вассалов – что вполне дало бы подготовиться заинтересованной в захвате власти стороне или группировке. Но в принципе все это далеко не так уж важно, ибо результат известен: победила профранцузская партия. Наверняка не без борьбы, но точных данных об этом нет. Она вполне могла легитимизировать свою победу сотворением поддельного завещания. Единственными жертвами этой гипотетической смуты стали сама Элеонора (в моральном смысле) и ее бедный воздыхатель. То, что снисходительно терпел герцог, было невыносимо при подготовке девицы к выданью. По согласию и решению баронов Ричард исчез. Возможно, сообщение о том, что его изрубили буквально в объятиях герцогини Элеоноры – всего лишь романтическая легенда, хотя ничего невозможного в этом нет. Можно представить себе весь ужас, пережитый молодой женщиной при этой процедуре¹⁶. И все же далеко не случайно, что своего второго выжившего сына (который как раз должен был наследовать именно ее родную Аквитанию) она назовет в честь своего первого возлюбленного, и ее Ричард, будущее Львиное Сердце, навсегда останется ее самым любимым сыном – и самым любящим.

Король-опекун подошел к делу очень ответственно и оперативно: ведь Элеонора являлась владелицей земель, значительно превосходивших его собственные... И он выдал ее замуж за своего сына и соправителя, будущего короля Людовика VII (1120–1180 гг., правил с 1131 г. с отцом, самостоятельно – с 1137 г.). Как пишет Сугерий: «После совещания со своими близкими советниками он радостно и со своим обычным великодушием принял столь лестное предложение (речь идет о завещании герцога Вильгельма. – Е. С.) и пообещал выдать Алиенору за своего дражайшего сына Людовика». Старый король недаром носил второе прозвище – Боец или Любитель повоевать; все его правление прошло в бесконечных войнах с соседями, включая английского короля Генриха I Боклерка и германского императора Генриха V, и множеством своевольных вассалов. Поэтому завещание Вильгельма Аквитанского (если оно действительно существовало) было для него поистине даром небес – или же он ловко вывернул ситуацию в пользу своего правящего дома. И здесь очень важно отметить следующее: по оценке многих ученых, южнофранцузские земли (Окситания) были уже практически на последней стадии к тому, чтобы оформиться в единое централизованное государство, естественно, под гегемонией Аквитании, но ловкий ход короля Людовика просто разрушил эту тягу к консолидации, окончательно похороненную кровавым разорением французского юга во время крестовых походов против еретиков-альбигойцев (I пол. XIII в.). Так что Вильгельм X умер очень не вовремя...

Наследство его было поистине лакомым кусочком – да что скромничать, куском, да презрядным. Монах Эриже Лоббский писал: «Цветущая Аквитания, сладкая, словно нектар, благодаря своим виноградникам, покрытая лесами, богатая плодами, изобилующая пастбищами». Прибавим к этому важнейшую деталь – выходы к морским и, следовательно, океанским просторам через Бордо и Ла-Рошель, обеспечивавшие торговлю (а куда без нее в любой политике и государственном бытии? Еще т. Ленин писал, что «политика есть концентрированное отображение экономики»), Байонна была важным центром китобойного промысла.

Однако не всякий откушенный кусок легко проглотить, и впоследствии это будет весьма и весьма очевидно. Аквитанские земли (соответствующие современным 19 (!) французским департаментам) вошли во французское государство, скажем так, на правах личной унии, а не путем поглощения. То есть Элеонора теоретически оставалась хозяйкой своих земель, причем вовсе не номинально, и позже весьма многих при французском дворе это раздражало. Ясно,

¹⁶ Надо отметить, что некоторые исследователи вообще сомневаются в существовании этого бедного рыцаря. Что ж, Элеонора была слишком яркой женщиной для своего времени, чтоб не породить целую серию легенд, как романтических, так и ужасающих – вроде умения обращаться в змею и т. д. Что-то отмечается сразу, как, например, легенда XIII в. о любовной связи Элеоноры с главным врагом крестоносцев, султаном Саладином. Что-то вызывает ожесточенные споры – вроде того, реально ли Элеонора стала любовницей своего дяди или же это злоязычие оппозиции и необоснованная ревность ее мужа, французского короля... Обо всем этом – см. позже в соответствующих местах.

что, развиваясь ситуация так, как было запланировано, наследником ее земель стали б ее дети от французского короля, и Аквитания, таким образом, со временем тихо и просто «вросла» бы в королевский домен... Однако все произошло совсем не так, как планировал старый король. По крайней мере, судьба не дала ему шанса хоть какое-то время поруководить молодыми, понаставлять их своим житейским опытом или авторитетом. Отправив в сопровождении высшей знати (графов Тибо Шампанского, Гийома Неверского, сенешаля Рауля де Вермандуа и др., а также виднейших церковников, включая епископа Жоффруа Шартрского и аббата Сугерия – «серого кардинала» Людовика VI) и 500 всадников сына заключать брак, он лично двинулся умирять очередного разбойного феодала. 25 июля 1137 г. в соборе Св. Андрея в Бордо состоялось бракосочетание Людовика и герцогини Элеоноры, и пока шли свадебные торжества (начала был грандиозный пир в бордосском дворце Омбриер с народными гуляньями снаружи, 8 августа в соборе Св. Петра в Пуатье принц-молодожен принял титулы герцога Аквитанского и графа Пуату), король-отец умер в походе 1 августа. Программа дальнейших празднований была, разумеется, свернута.

Свадьба Элеоноры с Людовиком VII. Средневековая книжная миниатюра

Так герцогиня Элеонора Аквитанская, как говорится, не успев опомниться от свадьбы, стала королевой Франции.

Глава 3

Королева Франции. Кошечка и филин

Нет ни малейшего сомнения в том, что брак Людовика и Элеоноры был чисто политическим, и до чувств молодых друг ко другу явно никому дела не было. Ведь осуществлена куда более высокая цель – слились в экстазе владения, а молодые... Если что – стерпится, слюбится. Однако пара явно не была подходящей. О таких супругах говорят – кошечка и филин. Южный нрав, традиции, воспитание и образ жизни новой королевы читателю в принципе уже известны. Но мало кто был менее способен удовлетворить (в очень многих смыслах, включая прямой) свою супругу, нежели Людовик. В ярости и расстройстве Элеонора произнесла знаменитые слова: «Я думала, что вышла замуж за короля, но теперь вижу, что за монаха!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.